

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.:
ПИСЬМА ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ,
ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

**Nationalities Policy in the Context of the War of 1941–1945:
the Letters of Citizens to Public Authorities, the Search for Solutions to Problems**

Н. Ф. Бугай (N. Bugay)¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Ph. D. of History, Leading Scientist at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

В статье рассматриваются письма представителей депортированных народов в высшие органы власти в качестве источника по национальной политике СССР в условиях войны 1941–1945 гг. Они отражают реалии того времени и стремление этнических общностей к самоутверждению, возвращению к местам своего исконного проживания. Исполнение своего гражданского долга каждый видел в личном проявлении внимания к своему народу, выражении заботы о нем в разделяемой трагедии. Именно этим наполнено содержание многих писем, направлявшихся в 1940-е гг. в государственные структуры, а также адресованных непосредственно И. Сталину, Л. Берия и др.

Ключевые слова: депортация народов, балкарцы, немцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, крымские татары, чеченцы.

The article deals with the letters of deportee ethnicities' representatives to senior public authorities, which are considered as sources for the nationalities policy of the USSR during the War of 1941–1945. They represent the environment of those times and the urge of ethnic groups to develop ethnic identity and return to their native place of residence. The discharge of civic duties was seen by everyone as showing personal interest and anxiety regarding their ethnicity, and expressing sympathy regarding the shared tragic experience. Many letters sent to government institution and directly to J. Stalin, L. Beria and others during the 1940s were charged with these particular concerns. Brief analysis of the contents and subject matter of the special settlers' letters shows that their rich material expresses people's concern about their difficult situation under the supervision of 'spetskomandatura' (special labour brigade). The priority issues of many letters were the interests of the state, its preservation and economic development. The authors paid interest to future organization of life after their release from special settlements, improvement of life conditions in state national autonomies, establishment of public authorities and parties, and youth associations. They were concerned about the improvement of education system, including in national languages, as well as the consolidation and reunification of special settlements' families separated due to a variety of reasons. Of special interest is the level of interrelations and interperception between the ethnic groups who went through forced deportation. By communicating in the challenging conditions of special settlements they learned more about themselves in terms of culture, customs, traditions, and production skills. Without any doubt, this was beneficial for the ethnicities, making the society morally wealthier and more consolidated.

Keywords: deportation of peoples, Balkars, Germans, Ingushes, Kalmyks, Karachays, Koreans, Crimean Tatars, Chechens.

Война — явление общественное и навсегда остается в истории как универсальное событие. Очень сложно в нем определить долю вклада каждого из народов в многонациональном государстве. Это Победа, одержанная всеми и для всех. На практике достижение победы означает совместное решение главной задачи — сохранения целостности государства, завоеваний прежних поколений. Из нее следует решение задачи организации ответных действий,

известных в науке как явление ритомсации (return action — возвращение, необходимость ответа) на замыслы врага, направленные в целом на порабощение народов. Достигнутая в ожесточенных сражениях с врагом Победа требует неотложно принять комплекс мер второго дня: по возрождению страны, залечиванию нанесенных ран, восстановлению экономического сектора, утраченных символов государства, культуры народов, строгому следованию примене-

ния принципов создания и упрочения своего государства. Несмотря на наличие общей цели в годы войны у разных народов судьба складывается по-разному. Никто не мог предположить, что будет проведена такая широкая по своим масштабам политическая акция, как принудительное переселение этнических общностей в Советском Союзе, охватившее более 3,5 млн граждан государства. Однако данные явления имели место в ходе войны 1941–1945 гг.

Тем не менее ростки этого явления, заложённые уже в первые годы существования пролетарской диктатуры, получили бурное развитие в последующие десятилетия становления советской государственности и имели тяжёлые последствия, прежде всего для самих народов. Как показывают современные условия войны на Украине, её хунта, те меры, которые она демонстрирует мировому сообществу в плане развития отношений по вектору «народы и власть», превзошли даже формы и методы их воплощения, предпринимавшиеся в 1940-е гг. режимом Сталина. Они практиковались в отношении некоторых этнических общностей, в частности, Северного Кавказа, Северо-Запада страны, Поволжья, Крыма, Закавказья, Прибалтики и др. В условиях же мирного развития государственности, формирования общества на новых началах, хотя такая практика нигде не насаждалась, в том числе и в Украине, в целях продажи территорий, получения дополнительных дивидендов политики устраивают бойню, уничтожают составную часть населения своей страны. Нынешние власти Украины пошли по пути создания условий невозможности проживания неугодного населения, превратив его, по примеру американского сообщества, в самостоятельную диаспору, русскую диаспору — людей с особым сознанием, отличным от украинцев, различной идентичностью, бытом и т. д., и определив такую форму расправы с ней, как уничтожение военным способом.

На практике хунта располагала рекомендованными США методами. Более того, в условиях востребования по разным причинам той или иной территории США неоднократно прибегали именно к таким способам расправ с населением. Подобным образом поступали США в отношении индейцев, а затем гренландских иннуитов (эскимосов), японцев, алеутов и прочих. Так, в 1953 г. было осуществлено насильственное пере-

селение иннуитов (Гренландия) [Бугай 2012: 72, 73]. Чтобы освободить место для новой ракетной батареи, командир из армии США велел иннуитам «убираться, дав им на сборы четыре дня». Все население было увезено в новую деревню на расстояние 125 миль от прежнего места проживания, скоростным методом были построены туннели. Американская же пропаганда представляла эти события как добровольное переселение иннуитов. Все это позволяет еще раз сделать вывод о том, что на первое место всегда ставятся именно интересы государства. Похоже, такие же методы США навязывали и навязывают Грузии и Украине. Нужны территория, новые источники природных ресурсов — это стратегическая задача. А какими способами ее решать — другое дело. Выгоду получают в итоге, как правило, именно США, в своей «грязной работе» опираясь на страны НАТО и наказывая тех, кто не соглашается с такой политикой и поступает ей наперекор.

«Рецепты» по «исцелению» общества разрабатывались и за пределами СССР. И Гитлер, и Сталин нередко прибегали, хотя и разными путями, к одним и тем же методам. Каждый преследовал свои цели, опираясь на теорию «кристаллизации общества» (применим такой термин) с целью формирования однородного (в разных смыслах) по составу населения. Между тем никто так непосредственно не воспринимал обстановку, как сами народы, оказавшиеся в подобной ситуации. Они знали, кто и как относится к обществу, государству, могли дать верную оценку способности того или иного народа к совершению незаконных акций в отношении самого государства. Поэтому письма представителей репрессированных, направляемые в государственные структуры и партийные организации, имеют первостепенное значение для оценки событий военного времени, возможно, не всестороннего анализа, но оценок исключительно важных для рассмотрения положения народов, их самосознания и национального сознания.

В данном случае письма выступают в качестве источника по рассматриваемой сложной проблеме. Они отражают реалии того времени и стремление этнических общностей к самоутверждению, возвращению к местам своего исконного проживания. Исполнение своего гражданского долга каждый видел в личном проявлении внимания к своему народу, выражении заботы о нем в

разделяемой трагедии. Именно этим наполнено содержание многих писем, направлявшихся в 1940-е гг. в государственные структуры, а также адресованных непосредственно вождю государства И. Сталину, наркому НКВД СССР Л. Берия и др.

Так, представитель незначительного по численности народа — лазов, член правительства Аджарской АССР, писатель, министр, Мухамед Ванлиши (в середине 1930-х гг. входил в группу политиков Аджарии и Абхазии, призванных провести среди лазов просветительскую работу по вопросам советской власти и партийного строительства), обратился с письмом на имя Л. Берия. Цель его послания ясна: «...Лазы, живущие в остальных селах, которые имели со старых времен турецкие фамилии, оказались выселенными... Одновременно докладываю об исключительно патриотических проявлениях со стороны лазов в годы Отечественной войны путем посылки на фронт своих сынов и оказания фронту помощи в деле защиты Советской Родины.

Зная хорошо ту борьбу, которую провел грузинский народ против иностранных завоевателей, могу сказать, что грузинский народ, в том числе и лазы, сыграли величайшую роль в деле обороны Кавказа, и этой обороной непосредственно руководил достойный сын грузинского народа, в частности лазского народа, товарищ Лаврентий Павлович Берия.

Прошу Вашим вмешательством вернуть тех лазов, которые выселены ошибочно...» [ГАРФ. Ф. Р. 9478. Оп. 1. Д. 157. Л. 85, 86]. Кстати, голос Ванлиши был услышан. Однако так «везло» не каждому народу, вовлеченному в эти события периода войны 1941–1945 гг.

Если депортация советских немцев протекала быстротечно, особенно с территории автономии немцев Поволжья, то процесс реабилитации немцев имел длительный период, начиная с принятия постановления Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 8 декабря 1955 г. Не была восстановлена Республика немцев Поволжья. В связи с этим события, связанные с реабилитацией общности немцев, особенно в 1960–1970-е гг., по сравнению с другими этническими общностями, подвергшимися деструктивным воздействиям со стороны государства,

были наполнены целенаправленной и последовательной борьбой за решение этой задачи, приобретавшей различные формы перевода ее на правовую основу. Эта борьба способствовала возникновению национального немецкого общественного движения. Вначале партийные органы стремились придать ему самостоятельное направление путем организации Ассоциации российских немцев с определенным набором функций и в целях поддержания тесной связи с этнической общностью. Весьма широкий размах принимала и переписка групп немецкого населения с партийными и советскими органами.

В письмах ясно прослеживается роль областных и партийных организаций и органов советской власти в создании материальной базы для организации немецких общностей в регионах их проживания (Красноярский, Краснодарский, Алтайский края, Казахская ССР, Томская, Новосибирская, Саратовская, Тюменская и др. области). Очевидно стремление многих немцев к возрождению своей государственности. На решение этой задачи были нацелены усилия прессы, прежде всего издаваемых немцами печатных органов («Ноейс Лебен», «Фройндшафт» и др.). Заметным было участие советских немцев в секторе экономики — не только в промышленном производстве, но и в аграрной сфере. В письмах немцы обращались к вопросам образования, учета организаторских способностей, выдвижения их на руководящую работу. Правда, не везде эта работа проводилась на высоком уровне, однако многое зависело и от внимания партийных органов, их возможностей в налаживании культурно-просветительской работы.

Немцы сами зачастую проявляли интерес к организации массовой работы, изданию прессы, проявляя инициативу, ведя борьбу против влияния сект. Они уделяли внимание детям — воспитанию, культуре межэтнического общения, формированию их самосознания. Эта проблема была и в центре работы средств массовой информации. На свои средства немецкие колхозы строили школы, центры немецкой культуры и об этом информировали центральные органы страны.

В заявлениях российских немцев, итоговых резолюциях, принимавшихся на конференциях по вопросу воссоздания Республики немцев Поволжья, письмах граждан

выражалось и всеобщее недовольство населения, проживавшего на территории существовавшей до начала 1940-х гг. Республики немцев Поволжья. Разные точки зрения по этому вопросу имелись и в среде самого немецкого сообщества. Предлагалось, например, создать Ассоциацию советских немцев как своеобразное общественное объединение, призванное решать задачи этнической общности на территории Союза ССР до возрождения российской государственности. Эти идеи вызвали дискуссию в обществе, назревал определенный кризис доверия немцев к центральным органам власти.

Немец Я. Х. Гельвих 11 июля 1956 г. обратился к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и председателю СМ СССР Н. А. Булганину, а также редактору газеты «Правда»¹. «С 1941 года по сегодняшний день мы не видели на родном языке ни газет, ни журналов, ни кино, ни пьес. Собрания, как правило, проводятся на русском и казахском языках, школы для немецкой молодежи не открыты на родном языке, наши дети изучают только русский язык. В члены КПСС вообще нас, немцев, не принимают... — писал он. — Я прошу Вас помочь нам стать на путь свободы наравне с другими гражданами СССР в отношении литературы, искусства, книг, газет, журналов, а также в переводе песен и выступлений по радио» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 177. Л. 41, 42, 44].

Немцев на поселении постоянно волновала проблема утраты своего родного языка. Сохранились письма, в которых немцы озабочены недостаточностью решения вопроса о немецком языке. Так, коллективное письмо было направлено 6 марта 1966 г. родителями учащихся немецкой национальности Сокулукского района Киргизской ССР в редакцию газеты «Нойес Лебен» (копия — в идеологический отдел ЦК КПСС) по вопросу о школьной практике преподавания родного языка [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 23. Л. 62-67]. «Для того, чтобы дети хорошо знали свой родной язык, немцам необходимо иметь свои национальные школы, как у всех национальностей СССР. И нам совершенно непонятны споры по этому вопросу. Ведь для обучения детей существуют школы, и преподавание в них должно вестись на

¹ Сопроводительная записка к этому письму была направлена редакцией газеты «Правда» в отдел писем ЦК КПСС 26 июля 1956 г. Не публикуется [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 177. Л. 43].

родном языке этих детей. Кажется, все ясно: мы — немцы, и наших детей нужно обучать на родном, немецком языке. В отношении других национальностей это так и делается, а вот для немцев государственные органы власти считают это ненужным»².

Немцы считали, что «без восстановления АССР НП и предоставления немцам самоуправления организация национальных школ и прочих культурных мероприятий не могут дать удовлетворительных результатов и не реабилитируют нас, так как мы по-прежнему будем лишены участия в государственной и политической жизни страны»³. Но в этом плане решение проблемы мало продвинулось.

В мае 1956 г. в Президиум ЦК КПСС с письмом обратился коммунист М. Гаджаев⁴. Его помыслы также сводились к необходимости восстановления конституционных прав карачаевского народа⁵. «Невозможно переоценить значение доклада Первого секретаря ЦК КПСС товарища Никиты Сергеевича Хрущева «О культуре личности и его последствиях» и решений XX-го съезда, принятых по этому докладу, для восстановления ленинских норм партийной жизни и партийного руководства», — писал М. Гаджаев [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71]. Карачаевцы, как замечает автор, были «беспредельно счастливы потому, что наша честь и честь нашего народа... восстановлена!»

В связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне представляет интерес и оценка роли карачаевского народа в войне, данная М. Гаджаевым: «Вклад карачаевского народа в общий котел братских народов Советского Союза в войне против гитлеровской Германии известен, свыше 85 % взрослого мужского населения Карачая находилось

² Начиная со слов «родной язык» — подчеркнуто чернилами.

³ Начиная со слов «восстановления АССР» — подчеркнуто чернилами.

⁴ Гаджаев Манджир Ибрагимович, карачаевец, член КПСС с 1931 г., партийный билет № 00193588, инженер (окончил Военно-воздушную академию в 1937 г.), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., оборонял полуостров Ханко, г. Ленинград, освобождал Крым.

⁵ Письмо от 10 мая 1956 г. взято на контроль 7 июня 1956 года.

непосредственно на фронте»¹. «Горцы — седые старики, отцы героев Отечественной войны, — писал далее Гаджаев, — еще сражающихся на фронте, ходили по киргизским и казахским дворам с нищенской сумой за плечами». В связи с этим он замечает, что непосредственно Сталину «неплохо было бы знать, какое исключительно примерное трудолюбие и достойную выдержку проявили карачаевцы в условиях того неслыханного режима, в которые он их поставил в Средней Азии, лишив их даже права передвижения» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71].

Конечно, каждая группа авторов, направлявшая письмо в центральные органы власти, старалась, основываясь на всем пережитом, изложить и свои предложения по улучшению обстановки и, в первую очередь, по возвращению в места прежнего проживания на Северном Кавказе. В данном случае эти предложения были сформулированы в письме следующим образом: «Может быть единственно такое решение этого вопроса:

а) восстановление всех прав нашего народа, предусмотренных Конституцией СССР, без каких бы то ни было самомаleastших прямых или косвенных ограничений;

б) предоставление нашему народу своей исконной территории и своей собственной советской автономии в границах, существовавших до 1943 года и отнятых Сталиным в 1943 году единовластно и в грубейшее нарушение Конституции СССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 12-71]. Одним словом, в сердцах переселенцев появилась большая надежда на лучшее.

Эти же вопросы рассматривались и в письме, направленном 21 мая 1956 г. карачаевцами из Фрунзенской области Киргизской ССР первому заместителю Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну с просьбой восстановить Карачаевскую автономную область². «Карачаевский народ за эти годы многому научился, приобрел гораздо больше жизненного опыта. Все прошлые трудности нас закалили, имеем разносторонний опыт в области полеводства, животноводства и т. д. Все это поможет нам

¹ Слова «Известно, что свыше 85% взросло-го мужского населения Карачая находилось непосредственно на фронте» подчеркнуты карандашом.

² Взято на контроль в ЦК КПСС [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 72, 73].

восстановить область, не только восстано-вить, но и поднять до уровня передовых областей нашей страны к концу шестой пятилетки», — заверяли авторы письма [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 72, 73].

Под грифом «строго секретно» хранились письма, направленные в Президиум ЦК КПСС 28 мая 1956 г. группой коммунистов, карачаевцев и калмыков, о снятии ограничений в правовом положении [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 36. Л. 18]. По этим документам были даны поручения А. Микояну, К. Ворошилову, М. Маленкову, Л. Брежневу и Н. Беляеву разобраться в данном вопросе, а свои предложения внести в ЦК КПСС. Проект постановления, подготовленный этой группой, был представлен на рассмотрение в ЦК КПСС.

Интересные сведения содержатся в письме карачаевцев-коммунистов в ЦК КПСС от 7 января 1957 г., в котором излагалась просьба о преобразовании города Клухори (бывший Микоян-Шахар) в административный центр Карачаево-Черкесской автономной области³. «За 14 лет Микоян-Шахар запустел, не было капитальных затрат, почти все здания требуют текущего и капитального ремонта, некоторые здания полностью разрушены. Мы, коммунисты, просим Вас превратить г. Микоян-Шахар в административный центр Карачаево-Черкесской автономной области»⁴. Здесь же говорилось о поддержке данного предложения населявшими республику этнически-ми общностями. «Всего карачаевцев было 85 тыс., а абазинов-черкесов — 38 тыс. человек. Карачаевское и русское население области, составляющее абсолютное большинство, т. е. около 250 тыс. человек, живет ближе к городу Микоян-Шахару и желает превращения этого города в областной центр», — читаем в письме [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 84. Л. 4-6].

Сохранились и письма бедствовавших на спецпоселении калмыков. Не везде положение калмыков на спецпоселении можно оценивать как нормальное. Судя по опубликованным письмам, в первую очередь они и касаются бедственного их положения. «В момент переезда, также в настоящее время очень нуждаюсь в улучшении матери-

³ Взято на контроль в ЦК КПСС.

⁴ Письмо подписали: Джаммаев Мурат — член КПСС с 1939 г., Чотчаев Магомед — в партии с 1931 г., Лайпанов Хамид — с 1932 г., Тахчухов Хусей — с 1931 г.

ально-бытовых условий, так как родные в момент переселения растерялись, поэтому ничего не взяли с собой из запаса, можно сказать, в чем были, в том и уехали», — писал У. Д. Кикеев председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину [Ссылка калмыков 1993: 189, 203].

Обращения были связаны и с правовым положением калмыков, особенно после возвращения с фронта или принудительной демобилизации калмыков из рядов Вооруженных Сил СССР. Калмыки возвращались в свои семьи, не зная о правах демобилизованных. Так, калмыки Б. Б. Бадмаев и С. К. Комбиров в письме М. И. Калинину задавали вопрос: «В случае, если мы демобилизуемся, то мы и наши семьи будут жить как спецпереселенцы или как все гражданетруженики СССР, пользующиеся правами согласно Конституции СССР?» [Ссылка калмыков 1993: 188]. В письмах калмыков содержится и информация о взаимоотношениях демобилизованных калмыков с местными органами власти, в частности, со спецкомендатурой, по вопросу воссоединения калмыцких семей. Этот блок документов многочислен, поскольку информация о том, куда какая семья направлялась с территории Калмыкии, не фиксировалась. По этому вопросу к М. И. Калинину обращались О. Г.-Ц. Болдырев, Л. М. Басангов, Д. А. Лагунов, У. С. Гучунов и многие другие [Ссылка калмыков 1993: 194, 195, 197].

Вероятно, положение калмыков на местах было настолько трудным, что в работу местных органов власти все чаще и чаще должны были вмешиваться курировавшие спецпереселение государственные структуры. Об этом свидетельствует сохранившаяся большая переписка — например, НКВД СССР об улучшении положения спецпереселенцев-калмыков [Ссылка калмыков 1993: 158, 161].

Невозможно проанализировать весь объем корреспонденции, направляемой представителями самого многочисленного народа, подвергшегося репрессиям со стороны советской власти, — чеченцами. Однако ее характер фактически однозначен и преследовал определенные выше цели. Каждый по-своему выражал боль и страдания народа. Так, чеченский писатель М. Мамакаев в своем письме-обращении от 21 июля 1954 г. в Президиум ЦК КПСС по вопросу о положении чеченцев и ингушей и отмене ограничений в отношении

спецпоселенцев в первую очередь обращал внимание на душевные переживания своих соотечественников, и не случайно его повествование было посвящено именно состоянию души. Энергия человеческой памяти, связанная со всем пережитым, позволяла выразить главное: «Для человека нет на свете большего удовлетворения, — писал Мамакаев, — чем ощущение доверия своей Родины, чем чувство свободы в своем отечестве...» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68–78]. Далее он констатировал: «Тяжело в такой обстановке, будучи свободным, пожизненно находиться под стражей. Я наказан много и по-разному, но мне кажется, что трудно придумать более тяжкое наказание.

...В официальном Указе Президиума Верховного Совета РСФСР, по которому упразднена Чечено-Ингушская Республика, чеченцам и ингушам предъявлено обвинение в том, что они во время Великой Отечественной войны массами переходили на сторону немцев и сотрудничали с ними.

Неофициально чеченцам и ингушам приписали неприязнь к советской власти и обвинили их в том, что они за годы советской власти многократно восставали против существующего строя». Далее автор старается объективно оценить ситуацию в республике, допуская, что «в обвинениях, может быть, и есть некоторая доля правды, но мыслимо ли обвинить в этом всех чеченцев и ингушей в целом?». На наш взгляд, эта оценка стала приоритетной и в российской историографии, связанной с принудительными переселениями народов Союза ССР.

«Разве мало чеченцев и ингушей, которые мужественно сражались и умирали в годы Октябрьской революции и Гражданской войны за советскую власть?

Разве можно вычеркнуть имена коммунистов, комсомольцев и других представителей молодой чечено-ингушской интеллигенции, рабочих, крестьян, ставших жертвой ожесточенной классовой борьбы в чеченском ауле в годы укрепления советской власти и колхозного строительства?

Разве можно оскорблять память чеченцев и ингушей — воинов Советской Армии, мужественно погибших в годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость нашей Родины?!

В свете таких общеизвестных и бесспорных фактов становится непонятным и неволью напрашивается вопрос: на основании каких объективных данных пал такой

тяжелый выбор на долю чечено-ингушского народа?

Вот почему лично я считал и продолжаю считать, что нельзя было поступать так жестоко с целым народом. Можно было, а может быть, и нужно было уничтожить половину, три четверти населения республики» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78].

Автор справедливо ставит проблему — весь народ не может быть виновным. Зачастую такие приемы используются и сегодня, когда дается общая оценка участия чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне при определении количества призывников, участников трудовых колонн и батальонов и прочего. В этом непростом вопросе, как представляется, исследователям этих процессов¹ надо проявлять объективность, не выстраивать формулу недовольства. В данном случае, как пишут историки Т. П. Хлынина и Е. Ф. Кринко, очень важно проявление профессионального такта и исследовательской этики, замечая при этом, что, «к сожалению, категория деликатности не является «сильным» местом отечественного историописания и рассматривается скорее как дань ситуативной конъюнктуре» [Хлынина, Кринко 2014: 88]. Тем не менее исследователи в большой мере отдают эту дань. Никто не должен ставить целью оскорбление всего народа, однако необходимо вести речь о конкретных институтах, формировавшихся в обществе, — тех же дезертирах, уклонявшихся от службы в армии, диверсантах, коллаборационистах. Указанные явления были характерны для всех регионов страны, и в данном случае

¹ В истории освещения процессов войны 1941–1945 гг., в том числе и вопроса о роли и месте Чечено-Ингушской АССР в этой войне, известно нашумевшее, ни на чем не основанное, шоу во главе с постоянным оценщиком всех событий в истории Н. Сванидзе, а также А. Бродом и Д. Зискиндом. В кампанию были вовлечены также юристы республики. Участники процесса выступили с явной клеветой по отношению к историкам, профессорам МГУ им. М. В. Ломоносова А. Вдовину и А. Барсенкову, с полным искажением представленных исследователями фактов в учебнике по истории России. Как раз в публикации сведений о чеченцах и ингушах первенство авторам учебника не принадлежало. Обобщенные сведения были опубликованы в сб.: [Сталинские депортации 2005], а также в исследованиях других авторов, в том числе и зарубежных — Гровер Фер и др.).

необходимо проводить соответствующие разграничения.

«В чем же повинны отцы, матери, жены и дети геройски погибших чеченцев — воинов Советской Армии, из-за того, что подлые авантюристы типа Исраилова, поднявшие головы против советской власти (кстати, обезглавленные самими чеченцами), оказались по национальности чеченцами? Виновны ли в этом чеченцы, жившие в те годы далеко за пределами Чечено-Ингушетии жизнью и интересами других районов нашей страны? Или чеченцы-воины, находившиеся в рядах Советской Армии?», — задает конкретный вопрос автор письма [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78].

Автор обращается с просьбой справедливо оценить его письмо и изложенные в нем доводы. «Прочитав мое письмо, многие могут подумать, что я как чеченец из-за чисто национальных чувств решил выступить с защитой чеченцев. Нет. Это не верно. Мое личное национальное чувство меня беспокоит меньше всего в этом вопросе.

Меня оскорбляет это положение прежде всего потому, что подобная постановка вопроса о целом народе оскорбляет в планах общественного мнения существо самой советской власти, великое марксистско-ленинское учение по национальному вопросу.

Советской власти я обязан долгом сына — матери, она спасла меня от безрадостной жизни бродяги, дала университетское образование и высокое звание советского писателя, скрытый же враг, облеченный государственной властью, надел на меня ярмо преступника. Но он не смог убить во мне любовь к своей Родине и к своему народу.

Мои родители — горцы Кавказа, а вырастил и воспитал меня великий русский народ. Вот почему под понятием своей Родины я всегда подразумеваю не тот маленький клочок земли, именуемый Чечней, а Россию, ту самую великую советскую Россию, которая вырастила, воспитала и всюду принимала меня как своего родного сына» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78]. М. Мамакаевым фактически изложена обстоятельная оценка той ситуации, которая сложилась на протяжении многих этапов истории отношения республики с соседями, охарактеризовано положение чеченцев и стремление их вернуться на родину.

Интересны своим содержанием и письмо в ЦК КПСС ингушского писателя Идриса Базоркина (1953 г.). Я. С. Патиев, состав-

витель сборника документов о депортации и реабилитации ингушей, так определяет направленность письма И. Базоркина: «Это письмо рассчитано на то, чтобы помочь партии и правительству увидеть, какое предательство совершил Берия против политики СССР, Конституции Советского Союза, против внешних народов, ибо нам известно, что виновником нашего выселения был он...» [Ингуши 2004: 310].

С письмом на имя Н. С. Хрущева (17 марта 1956 г.) от группы спецпоселенцев-ингушей, представителей творческой интеллигенции, проживавших в Киргизской ССР, по вопросу возвращения на прежние места жительства были ознакомлены секретари ЦК КПСС М. Сулов, Громов, Кириллин и Д. Поликарпов. «... 23 февраля 1944 г. началось переселение ингушей. Нет нужды говорить об условиях и методах этого переселения. Народ спокойно, с исключительным самообладанием принял страшную весть о переселении и сел в теплушки, уверенный, что все выяснится и его вернут домой», — читаем в письме [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 1–11]. Вызывает интерес поднимаемый авторами вопрос о населении, проживающем после выселения ингушей на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР: «Мы знаем, как знает и наш народ, что на наших землях живут люди, что разорять их и изгонять из мест, где они обжились, было бы несправедливо. Но мы знаем, это знает также и весь наш народ, что места на нашей родной земле хватит и нашему народу, и тем, кто там ныне живет. Наш народ не будет спорить из-за домов и имущества, пусть все это останется у тех, кто ими ныне владеет. Мы построим новые дома, лучшие, чем те, что у нас были, мы честным трудом приобретем все, что надо советскому человеку для обеспеченной и культурной жизни» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 1–11]. Дальнейший ход событий показал, что эта проблема оказалась самой сложной как в процессе реабилитации репрессированных народов, так и в период их возвращения на родину. Весьма сложно решалась она и в 1990-е гг. в связи с повторной реабилитацией народов.

Сохранился и блок писем, направлявшихся в центр группами коммунистов из числа крымских татар. Так, члены КПСС (Рефат Мустафаев, Шамиль Алядинов, Мустафа Селимов, Амет-Успи Пенерджи, Измаил Хайруллаев) в своем письме в Прези-

диум ЦК КПСС от 7 сентября 1956 г. ставили такой вопрос: «Нам также не понятны проводимые в настоящее время органами МВД мероприятия, когда от каждого гражданина — крымского татарина — требуют дать подписку о невыезде в Крым и об отказе от принадлежавшего ему движимого и недвижимого имущества с предупреждением о невыдаче паспорта в случае неподачи вышеуказанной подписки. Все это наталкивает на мысль о том, что крымские татары и поныне остаются с ограниченными правами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 141–143].

Коллективное письмо группы крымских татар и их семей, проживавших в Самаркандской области Узбекской ССР, в Президиум ЦК КПСС (март 1958 г.)¹ с просьбой о приеме их представителей по вопросу восстановления национальной автономии в Крыму² свидетельствует об обеспокоенности крымско-татарского населения тем, что восстановление автономий многих народов, подвергшихся репрессиям, и возрождение их государственности не могло оставить равнодушными и крымских татар, т.к. по этому поводу применительно к ним конкретные решения отсутствовали. Авторы письма констатировали: «На VI сессии Верховного Совета СССР³ не решен вопрос о возврате в родные места и восстановлении национальной автономии крымско-татарского народа, этот вопрос не вынесен на обсуждение VII сессии Верховного Совета СССР. Непонятное безмолвие глубоко угнетает нас, является тяжелым моральным бременем для нашего народа. Все тринадцать лет жизни после выселения наш народ лелеет мечту о возврате в Крым, о восстановлении его национальной автономии» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 162–176].

Крымские татары А. Аширов, А. Камилев, А. Мурадасилов, Э. Сейдаметова, А. Чобанов, проживавшие в Самаркандской

¹ Дата под письмом и дата регистрации в общем отделе отсутствуют. Однако встреча А. И. Микояна с представителями крымских татар, судя по опубликованному ниже письму А. И. Микояну (Приложение № 1), состоялась во второй декаде марта 1958 года.

² Под письмо стоят более 165 подписей.

³ После XX съезда КПСС на VI сессии Верховного Совета СССР принимались законодательные акты о возвращении в родные места и восстановлении национальной автономии народов Кавказа, которые были выселены в годы войны.

области Узбекской ССР, 22 марта 1958 г. обратились к члену Президиума Верховного Совета СССР и заместителю Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну. В своем письме они не только выразили благодарность Н. С. Хрущеву и А. И. Микояну, но и оценили положение крымских татар: «Крымские татары как народ, за исключением отдельных личностей, никогда ни в чем не был виновен перед Советской Родиной. Этот народ в известное Вам время на основании неправильных и ложных информации с мест в период культа личности был незаслуженно переселен и репрессирован» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 179].

Следует отметить, что в этот период корреспонденция по разным вопросам поступала и от корейской этнической общности, которая проживала главным образом в Казахстане и республиках Средней Азии. Однако содержание писем корейцев несколько отличалось от писем представителей этнических общностей, подвергшихся принудительному переселению в 1940-е гг. Их беспокоили вопросы формирования своей национальной автономии, организации периодической печати, улучшения положения корейцев на территории Союза ССР. Так, в коллективном письме корейцев от 30 октября 1958 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева содержалась просьба о переселении их на Дальний Восток и о предоставлении им национальной автономии¹. Они писали: «...В канун XXI съезда корейцы, проживающие в Союзе, вместе со всем народом проявляют новую трудовую и политическую инициативу... Дайте советским корейцам такую же национальную автономию, какую имеют другие малые национальности! Мы обращаемся к Вам только с одним этим большим для нас вопросом.

Мы уверены, что, получив национальную автономию, такую, какую имеют ингуши, чеченцы, калмыки, финны, карелы, буряты, якуты, советские корейцы смогут быстро продвигаться вперед в развитии национальной культуры, политики и идеологии. Сейчас корейские трудящиеся, находящиеся в Узбекистане и Казахстане, живут равноправной жизнью.

Однако мы остро ощущаем отсутствие национальной автономии. Мы убеждены в том, что если бы нам предоставили нацио-

¹ Текст письма публикуется в переводе на русский язык. Подлинник хранится в РГАНИ (Ф. 5. Оп. 31. Д. 117. Л. 5–7).

нальный район в Приморье — нашей родине, расположенной по соседству с КНДР и национальной автономией корейцев в Китае, это бы дало огромные силы нашим сыновьям и дочерям, нашей молодежи в развитии национальной культуры, политики и экономики»² [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 117. Л. 2–4]. В целом, начиная с 1920-х гг., вопрос об автономии поднимался корейцами неоднократно.

Таким образом, даже проведенный краткий анализ содержания и направленности писем спецпереселенцев показывает, что при богатстве материала в них в первую очередь выражается обеспокоенность людей своим нелегким положением под надзором спекомендатур.

Во многих письмах приоритетными оставались интересы государства, его сохранение, экономическое развитие. Авторы проявляли интерес к дальнейшей организации жизни после освобождения от спецпереселения, налаживанию жизни в государственных национальных автономиях, созданию органов государственной власти и партийных организаций, объединений молодежи. Проявлялась забота о налаживании системы образования, в том числе и на родных языках, укреплении и объединении разобщенных по разным причинам семей спецпереселенцев.

Особый интерес вызывает уровень взаимоотношений и взаимовосприятия этнических общностей, подвергшихся принудительному переселению. Все они оказались в одинаковых условиях пребывания, в жестких рамках действия спецкомендатур. Общаясь в непростых условиях спецпереселения, они больше узнавали о культуре, обычаях, традициях, производственных навыках друг друга. Все это, конечно, шло на пользу народам, делало общество духовно богаче, консолидированнее.

Как теперь уже известно, в конце 1930-х гг. в Казахской ССР были расселены более 70 тыс. граждан корейской национальности. До 1944 г., когда на спецпоселение в Казахстан прибыли балкарцы, корейцы успели обжиться на новом месте, адаптировались и интегрировались в местный социум. Несомненно, их режим проживания к этому времени был ослаблен. Корейцы, сами являясь спецпоселенцами, стали привлекаться для выполнения обязанностей

² Под письмом двадцать девять подписей корейцев, проживавших в г. Ташкенте.

по надзору за новыми контингентами спецпереселенцев. Отдельные представители из числа корейцев назначались даже на должность коменданта селений, районов, железнодорожных станций, речных портов. Так, комендантом железнодорожного вокзала ст. Ташкент был кореец Ким. Конечно, его отношение к спецпереселенцам заметно отличалось от других комендантов. Переживший сам тяготы депортации, Ким проявлял, как констатируют в своих воспоминаниях многие из спецпереселенцев-балкарцев, повышенное внимание к их нуждам, сочувственное отношение к ним. «За ощущение теплоты, которая исходила от этого человека, мы возблагодарили Аллаха», — отмечал в своих воспоминаниях балкарец Ибрагим Жангуланов, спецпереселенец, проживавший в Туркестанском районе Узбекской ССР. Комендант Ким оказывал спецпереселенцам помощь в обустройстве, поиске работы, своих родственников, содействовал в обеспечении продовольствием, получении солдатских пайков, денежного пособия [Балкарцы 2004, Вып. 1: 43, 44].

С балкарцами проживали представители многих этнических общностей — чеченцы, ингуши, крымские татары, западные украинцы, немцы. Несомненно, при знакомстве с культурой, укладом жизни, традициями и обычаями друг друга принималось все ценное, способствующее укреплению дружбы и связей. Вряд ли кто-нибудь может лучше характеризовать какую-либо этническую общность, чем представитель иной общности, пережившей такую же участь, т. е. пребывавшей в таком же статусе в годы Великой Отечественной войны и последующий период.

Балкарец М. Уянаев, проживавший на спецпоселении в пос. Кировский Талды-Курганской области Казахской ССР, вспоминал: «Наряду с балкарцами проживали представители многих высланных народов — чеченцы, ингуши, курды, корейцы, крымские татары, западные украинцы, немцы... Знакомясь с укладом жизни, бытом, трудовыми навыками разных народов, люди становились ближе друг к другу, проникались уважением к иным обычаям и традициям, перенимая лучшие в них...» [Балкария 2004: 40, 41]. При этом М. Уянаев особенно выделяет советских немцев, отмечая приоритетные черты их менталитета — «пунктуальность, тщательность, чистоплотность»,

и видя в них «высококласных кузнецов, строителей, механиков». Он делает важный вывод: «В работе мы были не собратями по несчастью, а такими же советскими людьми — любящими свою великую родину, стремящимися трудом своим облагородить и укрепить ее» [Балкария 2004, Вып. 2: 41].

Это нашло подтверждение и в период возвращения балкарцев в 1956 г. в места своего исторического проживания на Северном Кавказе. Совместное проживание и взаимное восприятие народов до 1944 г. оставалось определяющим и в последующем. «Лучшие представители кабардинского, русского и других народов, проживавших на территории республики, — пишет исследователь А. Алафаев, — встретили балкарцев с братским радушием» [Алафаев 2012: 9]. Конечно, такое отношение служило укреплению отношений между народами.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

- Алафаев А.* Негасимая боль народа. Нальчик: Полиграфсервис, 2012. 170 с.
Балкарцы. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. Вып. 1 / сост. М. А. Котлярова и В. К. Котляров. Нальчик: «Полиграфсервис» и Т», 2004. 54, [2] с.
Балкария. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. Вып. 2. / сост. М. А. Котлярова и В. К. Котляров. Нальчик: «Полиграфсервис» и Т», 2004. С. 40–41.
Бугай Н. Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX – начало XXI в.) М.: Ин-т рос. истории РАН, 2012. 478 с.
Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004 / авт., сост. Я. С. Патиев. Магас: Сердало, 2004. 608
Ссылка калмыков: как это было. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн.1. 264 с.
Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: Материк, 2005. 904 с.
Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.